

Преподобный Иона, бывший епископъ Екатеринбургскій.

13-го мая исполнилось ровно полгода, какъ скончался въ Далматовскомъ монастырѣ (здѣшней епархіи) 76-лѣтній старецъ, преподобный Иона (въ мѣрѣ Ипполитъ Леонтьевичъ Капустинъ), бывший епископъ Екатеринбургскій, викарій Пермской епархіи, пребывавшій здѣсь съ ноября 1859 года на покой.

Получивъ воспитаніе и первоначальное образованіе въ предѣлахъ здѣшней епархіи, онъ лучшие годы какъ своей молодости, такъ потомъ и зрѣлаго возраста посвятилъ пользамъ духовнаго просвѣщенія здѣшняго же края; наконецъ и въ лѣтахъ преклонныхъ онъ призванъ былъ Провидѣніемъ на служеніе Церкви въ санѣ святительскомъ въ тотъ же родственный ему край.

Родился онъ 11 января 1790 года въ Тобольскѣ. Отецъ его, діакопъ Тобольской Богоявленской церкви, въ августѣ того же года опредѣленный на должность товарища заикачика Далматовскаго духовнаго правленія и рукоположенный во священника къ Николаевской далматовской церкви, переселился на жительство въ Далматовъ: такимъ образомъ Далматовъ послужилъ и колыбелю и гробомъ для покойнаго.

Дѣтство его протекло однакоже не здѣсь, а въ селѣ Батуринскомъ, отстоящемъ отъ Далматова въ 60 верстахъ,—гдѣ отецъ его въ 1793 году заступилъ мѣсто своего родителя, священника Батуринской церкви. Это село съ его рощами и лугами такъ полюбилось ему, что онъ не могъ забыть о немъ и среди живописной обстановки на югѣ Россіи; благодарилъ Бога, что судилъ Онъ ему святительствовать неподалеку отъ родины и открылъ возможность украситъ родной Батуринскій храмъ подл личнымъ своимъ наблюденіемъ; въ бытность свою на покой, въ воспоминаніе вакацій прежней своей многолѣтней учебной службы, ежегодно пріѣзжалъ сюда проводить въ кругу родныхъ лѣтніе мѣсяцы,—и въ послѣднее проведенное здѣсь лѣто, чувствуя совершенный упадокъ силъ, молилъ Бога, чтобы здѣсь Онъ привелъ ему и упокоиться, и быть погребену вблизи могилъ дѣда, брата и племянника, священствовавшихъ при устроенномъ и украшенномъ общими ихъ усиліями и заботами храмъ (*).

(*) Дѣдъ его, Василій Трофимовичъ [1732—1802] былъ первымъ устроителемъ Батуринскаго прихода и первымъ священникомъ Батуринской церкви [1765—1793]; отецъ его, Леонтій—съ 1793—1816; братъ, Іоаннъ 1818—1856, и сынъ Іоанна, Николай 1856—1865 священствовали при тойже церкви. Преемственное пастырство покойныхъ изъ одного и того же рода много содѣйствовало успѣхамъ нравственнаго воспитанія прихожанъ, открывая возможность пастырю не только вѣрно понимать быть мѣстный,

По домашнемъ обученіи исправному чтенію, письму и нотному пѣнію, 10-лѣтній Ипполитъ поступилъ въ ноябрѣ 1800 года въ новооткрытую Пермскую семинарію, и въ январѣ 1809-го, еще продолжая ученіе въ семинаріи, опредѣленъ учителемъ информаторическаго, а въ сентябрѣ—низшаго грамматическаго класса. По окончаніи философскаго курса, въ 1811 году опредѣленъ учителемъ средняго грамматическаго класса; въ 1813-мъ учителемъ синтаксическаго и средняго ариѳметическаго класса, а въ маѣ 1815 года—учителемъ историческаго и высшаго ариѳметическаго класса. Въ 1818 году, съ открытіемъ Пермскаго уѣзднаго духовнаго училища, опредѣленъ въ оное учителемъ по высшему отдѣленію и инспекторомъ уѣзднаго и приходскаго духовныхъ училищъ. По вниманію къ его способностямъ, трудолюбію и педагогическимъ навыкамъ, приобретеннымъ десятилѣтнимъ преподаваніемъ въ низшихъ классахъ семинаріи, преосвященный Іустинъ, такъ много потрудившійся для Пермской семинаріи, лично взялся довершить его семинарское образованіе преподаваніемъ ему въ домашнихъ бесѣдахъ полнаго курса наукъ богословскихъ (такъ какъ богословскаго класса почему-то долго при семинаріи не открывалось), съ тѣмъ, чтобы потомъ отправился онъ для дальнѣйшаго образованія въ одну изъ духовныхъ академій. Тридцати лѣтъ поступилъ онъ въ Московскую духовную академію въ 1820 году, и въ 1824-мъ, окончивъ курсъ со степенью магистра, снова возвратился въ Пермь на должность инспектора и профессора Церковной исторіи. Два года его новой службы въ семинаріи были для него годами раздумья относительно дальнѣйшей его судьбы, кончившагося рѣшеніемъ его постричься въ монахи (*). 15 іюня 1826 года, на 37 году жизни, далъ

но и входить должнымъ образомъ въ положеніе каждаго пасомаго, знать даже фамиліные характеры своей паствы; а добрая память, какую оставляли они по себѣ въ паствѣ, переходя изъ рода въ родъ, утверждала въ ней любовь къ пастырямъ, и чрезъ нихъ—усердіе къ храму. При достаточномъ вліяніи на паству, одушевляемые единствомъ плана своихъ пастырскихъ трудовъ, они возвысили религіозное настроеніе паствы, коего видимымъ выраженіемъ служить изящно-устроенный и богато украшенный храмъ, каковой встрѣтить можно не во всякомъ городѣ. На пожертвованія покойнаго преосвященнаго росписанъ по стѣнамъ алтарь главнаго храма, заведено много цѣнной церковной утвари, заведены [съ участіемъ прихожанъ и родныхъ преосвященнаго] два большихъ колокола.

(*) Вотъ какъ выразилъ онъ свое раздумье въ относящемся къ этому времени стихотвореніи:

„Мысли, мысли! Мысли вольныя мои!

Опустите крылья легкія свои,

Перестаньте въ вертоградѣ думъ лѣтать

И ученьемъ любопытный умъ питать!

Время, время удержать вамъ свой полетъ;

онъ обѣты монашества, 20-го рукоположенъ во іеродіакона, а 22-го во іеромонаха на штатную вакансію при крестовой церкви Пермскаго архіерейскаго дома. Въ январѣ 1827 года опредѣленъ присутствующимъ въ Пермскую духовную консисторію. 21 апрѣля 1829 года получилъ онъ первую награду по духовной службѣ—набедренникъ; а въ іюнѣ того-жъ года опредѣленъ на должность ректора и профессора богословскихъ наукъ, и 30 числа іюня возведенъ въ санъ архимандрита. Ректоромъ Пермской семинаріи былъ онъ впрочемъ не долго. Какія-то неприятели, какъ кажется съ мѣстнымъ духовенствомъ по поводу принятыхъ имъ усиленно-строгихъ мѣръ надзора за воспитанниками (*), расположили его хлопотать о перемѣнѣ мѣста службы, и онъ въ слѣдующемъ 1830 г. былъ перемѣщенъ на ту же должность въ семинарію Тобольскую съ настоятельствомъ тобольскаго Знаменскаго монастыря. Въ 1836 году онъ перемѣщенъ въ Екатеринославль ректоромъ екатеринославской семинаріи и настоятелемъ Визюкова Григоріева (Херсонской епархіи) монастыря, гдѣ, за исключеніемъ 1843 года, проведеннаго въ С. Петербургѣ на чредѣ священнослуженія, и оставался онъ до весны 1846 года. Шестнадцатилѣтняя служба его въ санѣ архимандрита и званіи ректора награждена орденомъ св. Анны 2 степени съ короною и орденомъ св. Владиміра 3 степени.

Вы подайте мнѣ рѣшительный совѣтъ!

Много видѣлъ отъ наукъ я похвалы,

Много видѣлъ и досады и хулы...

Такъ скажите-жъ мои мысли наконецъ,

Подъ кlobуку ли мнѣ идти, или подъ вѣнецъ?

„Мысли голову склоняютъ подъ кlobуку

Черной рясою замѣнить велятъ сюртуку,

Міръ съ красою и утѣхами броситъ,

Лишь четкій въ рукахъ печальный носить.

„Головъ моей минуло тридцать лѣтъ;

Такъ приему, мысли, добрый вашъ совѣтъ:

Свѣтъ оставлю, скроюсь, буду чернецомъ,

Распрошусь съ родомъ, съ матерью, отцемъ.

„Вы прощайте, милы Музы, наконецъ!

Вы прощайте, брачныя узы и вѣнецъ!

Не гори свѣча и брачный ениміамъ:

Не супруга близко сердца—параманъ!

„Знаю сколь ничтоженъ въ свѣтѣ семь монахъ;

Но не здѣсь его и слава,—въ небесахъ!“

(*) Въ бытность покойнаго преосвященнымъ Екатеринбургскимъ, нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ Приуральскаго и Зауральскаго края, по поводу устройства новаго зданія для Екатеринбургскаго духовнаго училища, выражали ему мнѣніе объ образованіи въ Екатеринбургѣ для ближайшихъ къ сему городу уѣздовъ особой семинаріи, прося его, въ случаѣ возможности, ходатайствовать о томъ предъ кѣмъ слѣдуетъ. Вотъ что

19 мая 1846 благодать Божія призвала его къ новому, высшему служенію Церкви, опять въ тотъ же, родственнѣйшій ему край, — въ санѣ епископа Екатеринбургскаго. Тринадцать съ половиною лѣтъ управлялъ онъ Екатеринбургской паствою, и оставилъ въ ней по себѣ воспоминанія, какъ объ отцѣ внимательномъ къ нуждамъ чадъ своихъ, терпѣливомъ и снисходительномъ въ отношеніи заблуждающихся въ лжеученіяхъ раскольническихъ, но всегда побѣдоносномъ ихъ противникѣ, благодушномъ и кроткомъ въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, но тѣмъ не менѣе настойчивомъ и строгомъ ревнителѣ церковныхъ порядковъ и высокой нравственной жизни клира, — для всѣхъ доступномъ и откровенномъ собесѣдникѣ, хотя постоянное съ молодыхъ лѣтъ одиночество и жизнь кабинетная, жизнь книжная нерѣдко просвѣчивали въ его бесѣдахъ серьезнымъ и нѣсколько угрюмымъ тономъ, казущимся недостаткомъ живаго участія, сочувствія минутнымъ интересамъ дня. Строгая справедливость его простиралась до того, что онъ отказывался употреблять свое вліяніе гдѣ могъ, какъ скоро дѣло касалось кого-либо изъ его родственниковъ. Самъ проложивъ себѣ дорогу трудомъ и честностію, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на чье-бы то ни было ходатайство передъ нимъ за другихъ. „Достойный человекъ“, говаривалъ преосвященный, „отъ того не станетъ хуже, что его не замѣтятъ; а тотъ, кто ищется черезъ другихъ, тѣмъ самымъ показываетъ, что не имѣетъ качествъ, которыя бы говорили сами за себя, старается къ своей рекомендаціи пришить чужое, да и начальство провести обманомъ.“ Обстоятельство, что у преосвященнаго въ городѣ были близкіе родные (*), для людей слабыхъ, склонныхъ пріобрѣтать вниманіе начальства косвеннымъ путемъ, конечно, было не малымъ искушеніемъ въ началѣ его службы здѣсь; но вскорѣ всѣ подобныя лица должны были замѣтить, что всякое предъ нимъ ходатай-

писалъ преосвященный въ отвѣтъ на это мнѣніе къ одному духовному лицу, хорошо помнящему обстоятельства его здѣшней духовно-училищной службы. „Семинаріямъ обыкновенное мѣсто въ епархіальныхъ городахъ, а здѣсь — викаріальный. Когда онъ будетъ епархіальнымъ, тогда и безъ меня откроется семинарія. Безъ сего это сочли бы моею затѣею честолюбивою и властолюбивою. А благодарности отъ духовенства здѣшняго мнѣ не заслужить; потому что вѣсть пророкъ безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, — и я испыталъ его благодарность, отъ которой былъ вызванъ изъ Перми въ Тобольскъ: тогда у нихъ я скотенъ былъ, — и всѣ рукоплескали, отцы и дѣти — семинаристы, что въ Тобольскѣ меня выжили. Для своевольныхъ учениковъ я всегда былъ тяжолъ, а потому и отцамъ ихъ не милъ: таковымъ же буду и впредь; слѣдовательно не гоужусь для вашей семинаріи въ начальники, и хлопотать о ней представляю другимъ.“ —

(*) Мать и сестра преосвященнаго, старушки жившія въ Екатеринбургскомъ Навотихвинскомъ женскомъ монастырѣ.

ство лишь портить дѣло, — что всякое ходатайство преосвященный обращаетъ преднамѣренно не въ пользу дѣла, за которое хлопочуть, чтобы отучить подобныхъ людей отъ искательства.

Въ 1849 году преосвященный Иона сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени. Это была уже послѣдняя его земная награда.

Постоянная его сидячая жизнь, конечно, много содѣйствовала ослабленію его силъ. При счастливомъ тѣлосложеніи и достаточной еще бодрости силъ, ему стали измѣнять ноги. Болѣзнь, беспокоившая его сначала временами, усилилась наконецъ до того, что въ 1859 году онъ счелъ необходимымъ просить увольненія отъ службы, — и 21 ноября Всемилоостивѣйше онъ уволенъ на покой, по собственному избранію, въ далматовскій Успенскій монастырь, съ пенсіей по 1000 рублей въ годъ. Болѣзненное состояніе ногъ, лишивъ его возможности дѣлать моціонъ, окончательно ослабило его физическія силы. Единственнымъ развлеченіемъ для него въ Далматовѣ, какъ и въ теченіе всей его жизни, были книги, которыми дорожилъ онъ всего болѣе, и, временами, — посѣщенія родныхъ. Семь лѣтъ провелъ онъ здѣсь въ этомъ болѣзненномъ положеніи. Въ послѣдніе годы стало измѣнять ему и зрѣніе, отказавшее болѣзненному старцу и въ этомъ послѣднемъ утѣшеніи, — чтеніи; а смерть близкихъ его — брата и племянника, навѣщавшихъ его въ его уединеніи и окружавшихъ его родственными попеченіями, такъ сильно опечалила его, что послѣдніе годы его были годами усиленныхъ желаній отойти на покой вѣчный. И 13 ноября прошлаго года, въ 6¼ часовъ вечера, его не стало. 20-го числа совершено отпѣтіе преосвященнымъ Митрофаномъ, епископомъ Екатеринбургскимъ (нынѣ уфимскимъ), съ братією Далматовскаго монастыря и окрестнымъ духовенствомъ. Прахъ преосвященнаго Ионы покоится подъ сводомъ Успенской монастырской церкви, за правымъ клиросомъ.

Сопровождавшій преосвященнаго Митрофана въ Далматовъ на отпѣтіе преосвященнаго Ионы, о. ключарь Екатеринбургскаго кафедральнаго собора, Ф. С. Зубаревъ почтилъ память бывшаго своего архипастыря назидательнымъ и, по обыкновенію, краснорѣчивымъ словомъ (*). Мы можемъ принять его голосъ за выраженіе общаго голоса Екатеринбургской паствы о покойномъ ея Пастырѣ, и пользуясь позволеніемъ автора, для полноты нашего очерка, сдѣлаемъ нѣкоторыя извлеченія изъ его слова, характеризующія покойнаго.

Чтобы намъ научиться проводить настоящую жизнь какъ должно всѣмъ (*). Считаю долгомъ засвидѣтельствовать искреннюю благодарность почтенному проповѣднику за сообщеніе сего слова Редакціи П. Ел. Вѣд.

кому истинному христіанину, дорожащему христіанскимъ званіемъ своимъ, возьмемъ нынѣ для себя примѣръ истиннаго христіанскаго благочестія отъ почившаго архипастыря нашего, который, бывъ поставленъ отъ Господа на свѣщницѣ святительской кафедрѣ, всегда былъ *горящимъ и свѣтящимъ свѣтильникомъ* истинной вѣры и благочестія, и подавалъ всѣмъ примѣръ богоугодной жизни христіанской. Когда приличнѣе намъ *помянуть*, по заповѣди апостольской, *наставниковъ* нашихъ, *иже глаголаша* намъ слово Божіе, и учиться *подражать* *вѣрѣ* и благочестію *ихъ*, какъ не при *скончаніи* временнаго *жизтельства* ихъ на землѣ (Евр. 13, 7)? Ибо личныя свойства всякаго чело-вѣка и совершенныя имъ на землѣ дѣла рѣзче обозначаются и выступаютъ предъ нашими взорами при видѣ его смерти,—когда прекращается земная его дѣятельность, и воцаряется вмѣсто оной мертвое, гробовое молчаніе.

„О бывшій нашъ добрый Архипастырь! Мы не намѣрены восписывать тебѣ похвалъ выше мѣры. Да удалится льстивое слово изъ устъ нашихъ, когда ты предстанъ уже на судъ Праведнаго и Милосердаго Господа! Мы изречемъ о тебѣ только то, что позволительно сказать съ сего священнаго мѣста, что внушаетъ намъ чувство благодарности и признательности къ тебѣ, и что назидательно для всего церковнаго собранія.

„Кто изъ насъ скажетъ, братія, что въ свое время онъ не былъ добрымъ пастыремъ духовныхъ своихъ овецъ, когда управлялъ своею паствою? Кому изъ насъ когда-либо, по нерасположенію сердца, сдѣлалъ какое-либо зло? Не ко всѣмъ ли былъ онъ одинаково справедливъ,—какъ къ высшимъ, такъ и къ низшимъ, какъ къ своимъ близкимъ, такъ и къ дальнимъ? Не исполнено ли было истиннаго страха Божія и духа нелицемѣрнаго благочестія пастырское его служеніе? Не требовалъ ли онъ въ церковномъ богослуженіи строгаго соблюденія церковнаго устава? Наипаче въ первые годы своего архипастырскаго служенія, когда онъ былъ совершенно здоровъ, не отличался ли онъ ревностію въ исполненіи архипастырскихъ своихъ обязанностей? И впослѣдствіи, когда онъ ослабѣлъ въ силахъ, не преодолѣвалъ ли часто свою немощь, чтобы только исполнить святой долгъ своего служенія? Въ частныхъ обращеніяхъ съ членами своей паствы—не отличался ли онъ истинною любовію ко всѣмъ, кроткимъ, снисходительнымъ и терпѣливымъ духомъ. Изъ устъ его всегда исходило слово мудрое, здравое и основательное, свидѣтельствовавшее о его духовной опытности и знаніи людей и жизни. Онъ владѣлъ обширною памятію, и почти на всякіе предметы общественныхъ разговоровъ приводилъ назидательныя примѣры изъ исторіи людей древнихъ и намъ современныхъ. Въ домашней жизни онъ любилъ строгій порядокъ во всемъ; велъ постоянную запись

разнообразныхъ своихъ наблюденій надъ явленіями природы и замѣчательными случаями человѣческой жизни (*). Чуждъ былъ всякой вѣшной пышности и роскоши; при любви къ опрятности и чистотѣ, всегда избѣгалъ житейскихъ излишествъ, и во всемъ любилъ одну простоту (**). Въ архипастырскомъ санѣ являлся строгимъ подвижникомъ—монахомъ, не привязаннымъ къ земнымъ стяжаніямъ, и имѣя что-либо какъ-бы не имѣлъ ничего (***). Никогда также не было замѣтно въ немъ стремленій къ высшимъ почестямъ и достоинствамъ. Онъ благодарилъ только Господа, что удостоилъ его высокаго церковнаго сана епископскаго, и никогда не помышлялъ о чемъ-либо высшемъ и большемъ. Строгое монашеское направленіе его жизни, конечно, было для всѣхъ еще виднѣе въ сей монашеской обители, въ коей онъ провелъ на покой послѣдніе годы своей жизни. А какъ безропотно и терпѣливо онъ переносилъ старческіе свои недуги, какъ не ослабѣвалъ въ молитвахъ и другихъ иноческихъ подвигахъ, при изнеможеніи своихъ силъ, это знаетъ самъ Господь, который подкрѣплялъ его благодатною своею помощію. И если что могло смущать и сокрушать его, такъ это то, что онъ не въ силахъ былъ совершать церковныхъ общественныхъ богослуженій. Но и при этомъ безсиліи онъ никогда не ропталъ на свою участь, но всегда смиренно покорялся всесвятой волѣ Господа.

(*) Пресвященный былъ такъ строгъ и внимателенъ къ себѣ, что до послѣдняго времени, пока не измѣнило ему зрѣніе и не помышала тому забывчивость, неупустительно велъ дневникъ, въ который вносилось все, что онъ сдѣлалъ въ теченіе дня, о чемъ размышлялъ, о чемъ съ кѣмъ бесѣдовалъ.—М. К.

(**) Воспитанный въ простыхъ правилахъ сельской жизни, пресвященный до конца своей жизни не мирился съ нѣкоторыми принятыми обычаями городской жизни. Не навязывая другимъ своихъ правилъ, онъ отступалъ отъ нихъ только въ особенныхъ случаяхъ, когда требовало того его общественное положеніе. Столъ его состоялъ, обыкновенно изъ простыхъ сельскихъ блюдъ, если не случалось обѣдать у него кому-либо изъ постороннихъ. Когда приходилось пригласить къ столу нежданнаго гостя, онъ обыкновенно извинялся, что у него, какъ „у монаха, вся закуска—сухари да капуста“. Даже чай пилъ онъ только тогда, когда приходилъ къ нему кто-нибудь изъ городскихъ посѣтителей, или когда чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ. М. К.

(***) Чуждый бесполезной расточительности, пресвященный не охотно давалъ деньги обращающимся къ нему за подаваніями, опасаясь за дурное ихъ употребленіе, и такимъ образомъ за содѣйствіе, хотя и косвенное, развитію порочной праздности и тунеядства. „Съ голоду у насъ не умираютъ,—говаривалъ покойникъ;—а прихотей [онъ разумѣлъ комфортъ], удовлетворять не слѣдуетъ: иначе имъ конца не будетъ“. За то онъ внимательно слѣдилъ за нуждами церковныхъ приходоу, особенно въ Шадринскомъ и Камышловскомъ уѣздахъ, гдѣ въ послѣднее время устроилось много храмовъ вновь,—и дѣятельно помогалъ благочестивымъ начинаніямъ. Что не успѣлъ онъ при жизни употребить на добрыя дѣла изъ сбереженнаго имъ въ жизни, тому далъ также благотворительное назначеніе въ своемъ завѣщаніи. М. К.

да, и переносилъ свое испытаніе съ рѣдкимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ духа. Не тягостно ли ему было въ послѣднее время во всѣхъ своихъ нуждахъ пользоваться постояннымъ услуженіемъ приставленной къ нему прислуги? Но онъ смиренно и кротко принималъ услуги себѣ другихъ людей, и благодарилъ и благословлялъ ихъ за то, что они не оставляли его безъ всякой помощи. Самъ бывшій настоятель сея обители засвидѣтельствовалъ, что онъ благословлялъ въ душѣ всякаго человѣка, о которомъ припоминалъ, и всѣмъ искренно благожелательствовалъ.“

Миръ праху добраго архинастыря! Добрая о немъ память да послужитъ, земному ему наградою по смерти!

М. К.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ милостивомъ вниманіи къ нуждамъ православныхъ церквей западныхъ епархій, Всемилостивѣйше пожаловалъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ 25 св. иконъ въ богатыхъ серебряныхъ съ позолотою окладахъ, которыя и переданы, по Высочайшему повелѣнію, тайному совѣтнику Батюшкову для распредѣленія по церквамъ, согласно его усмотрѣнію.

Еще свѣжа память о глубоко-отрадномъ впечатлѣніи, произведенномъ на поселянъ и горожанъ западныхъ губерній присылкою въ 1864—65 годахъ Государынею Императрицею и Августѣйшими Членами Царской Семьи бого-служебныхъ предметовъ и учебныхъ руководствъ въ пользу нуждавшихся тамъ первей и вновь—открытыхъ епархіальнымъ начальствомъ русскихъ поселянскихъ школъ. Чувство радости, съ которымъ были встрѣчены эти дары, вызвало тогда повсемѣстно молитвенныя заявленія русскаго населенія. Много и нынѣ прольется слезъ благодарности предъ отправленными въ церкви иконами за Царя, возстановителя древнихъ русскихъ святынь и русскихъ началъ на землѣ искони русской!

(Соврем. Лист.)

—На пользу отечественнаго просвѣщенія сдѣлано щедрое пожертвованіе извѣстнымъ ученымъ и духовнымъ писателемъ, преосвященнымъ Макаріемъ, архіеп. харьковскимъ, — 120.000 р. сер., прибрѣтенныхъ имъ отъ изданія своихъ сочиненій. Жертвователю назначаетъ, послѣ его смерти, выдавать проценты съ сего капитала въ видѣ преміи авторамъ достойныхъ оригинальныхъ,